

МОРФОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 81'367.624+81'367.7

НАРЕЧИЕ. ДИНАМИКА КЛАССИФИКАЦИИ ФЕНОМЕНА

Д.Р. Копосов

Аннотация

В статье рассматривается история взглядов на наречие как элемент системы русского языка, предлагается лексико-семантический классификационный принцип отличия наречий от омонимичных им единиц, описываются продуктивные словообразовательные модели порождения наречий и возникающие между этими дериватами лексико-семантические отношения.

Ключевые слова: наречие, словообразование, антонимия, омонимия.

Потребности диахронического исследования любого плана предполагают однозначность и прозрачность терминологического инструментария лингвистики как применительно к отдельным синхронным срезам, так и к динамическим изменениям состояния системы в целом на всех ее уровнях. К сожалению, в отношении, например, частеречного статуса единиц современного русского языка такая точность терминологии до сих пор не вполне достигнута. Так, даже новейшие монографии и учебные комплексы, посвященные морфологии русского языка, вынужденно «грешат» противоречивостью в отношении отдельных частеречных феноменов либо, следуя традиции, умалчивают о существовании подобных противоречий.

В частности, «насущным» является вопрос о статусе наречия и его участии в деривационных процессах. Ни в диахроническом, ни в синхронном аспектах этот вопрос до сих пор достаточного освещения не получил, хотя существует длительная научная традиция отношения к данной единице системы, а активизация наречных единиц на современном нам этапе развития языковой системы настоятельно требует его (вопроса) разрешения.

В истории языкознания взгляд на наречия неоднократно менялся, что вызвано разнородностью его грамматических примет в русском языке. М.В. Ломоносов включал наречие в общую категорию частиц, местоимений и междометий, а М.В. Панов, например, включает его в разряд имен прилагательных.

В отличие от Ломоносова, ученые XIX века и вовсе исключают наречие из частеречной системы. Эту традицию возглавил К.С. Аксаков: «Наречие не есть

часть речи. Часть речи то, что получило в слове особую форму, особый отдел; наречие своей особой формы (в слове) не имеет. Оно выражает отношение, то есть уже синтаксическое явление. Наречием могут быть разные части речи, в разных отношениях употребляемые» [1, с. 402]. Этой же точки зрения придерживался и Ф.И. Буслаев: «Наречие не есть особая часть речи; это понятие синтаксическое, которое может быть выражено целым предложением» [2, с. 540]. Отметим идею возможного параллелизма наречия и синтаксического конструкта («целого предложения»).

А.А. Потебня, не отвергая синтаксическую точку зрения на наречие, вернул его в систему знаменательных частей речи. Рассматривая члены предложения в сопоставлении с частями речи, Потебня пришел к выводу, что части речи возникают из членов предложения путем их формализации, закрепления за ними постоянных, устойчивых средств выражения. Таким образом, части речи, в том числе и наречие, есть не что иное, как грамматизованные члены предложения. Говоря о грамматическом значении наречия, Потебня писал, что эта часть речи выражает признак, «связуемый с другим признаком, данным или возникающим, и лишь через его посредство относимый к предмету (субъекту, объекту), а сам по себе не имеющий с ним никакой связи» [3, с. 119]. Ученый видел в наречии «особую форму, присвоенную обстоятельственным словам», не отвергая при этом синтаксическую точку зрения на наречие как на несогласуемый «признак признака». Этот подход получил дальнейшее развитие в трудах А.А. Шахматова и А.М. Пешковского.

А.М. Пешковский считал наречие категорией «целиком синтаксической». Части речи, как их понимал А.П. Пешковский, – не слова, а формы (ряды форм слов и словосочетаний), то есть формальные категории существительности (предметности), глагольности (действенности), прилагательности (качество), и наречности (признак признака). Отождествив части речи с формальными категориями, Пешковский распределил их между синтаксическими (падеж, род и число прилагательных, лицо) и несинтаксическими (род и число существительных, вид и залог глагола). При этом категория наречия поставлена в один ряд с категорией падежа и вместе они противостоят как категории «целиком синтаксические» прочим частям речи, а заодно и виду, залогу и т. д., как несинтаксическим категориям. Значение «признака признака» у наречия, по мнению ученого, выражается прежде всего синтаксическим употреблением, а кроме того – целой серией морфологических примет (формами на -о, на -ски без префикса и с префиксом по-; формами на -ьи с префиксом по- и без него и т. д.). Отличие наречий от всех остальных частей речи А.М. Пешковский видел в том, что именно в этой категории огромное место занимают бесформенные (лишенные форм словоизменения. – Д.К.) слова. Эти слова ученый называет «синтаксическими наречиями» [4, с. 98]. Здесь важна идея «расслоения» наречия на различные функционально подгруппы.

А.А. Шахматов полагал, что наречие в известном смысле занимает центральное место в системе частей речи. Ученый несколько расширил объем понятия «наречие», включая в него вводные слова и междометия. «Наречие, – писал А.А. Шахматов, – может быть определено, во-первых, как отвлеченное название признака или отношения, во-вторых, как название признака или отношения

в их сочетании с другими признаками. Отсюда тесная связь наречия с другими частями речи, переход их в наречие, их адвербиализация» [5, с. 94]. А.А. Шахматов отмечал также, что наречие как часть речи особенно близко к прилагательному и «отличается от него лишь отсутствием форм согласования» [5, с. 6]. Отметим функциональную особенность наречия – обслуживать признаковые характеристики при глаголах и – шире – при сказуемом, наподобие аналогичной функции прилагательного при имени существительном и – шире – при подлежащем и дополнении. В то же время, в отличие от имени прилагательного, по Шахматову, «наречие при благоприятных условиях переходит в служебные части речи, то есть в предлог и союз». Это позволило ученому сделать вывод, что наречие «занимает таким образом середину между прилагательным, с одной стороны, служебными частями речи – с другой».

Синтаксической точке зрения на наречие в русском языкознании была противопоставлена морфологическая. Представители Московской лингвистической школы во главе с Фортунатовым предлагали делить слова на два класса: с формами словоизменения и без форм словоизменения. Второй класс делился в свою очередь на слова с формами словообразования и слова, не имеющие вообще никаких форм. Таким образом, наречия – это слова без форм словоизменения, но с формами словообразования. Однако «способность слова выделять в своем составе основу и формальную принадлежность» [6, с. 166] обнаруживалась далеко не у всех наречий. На основании этого наречия оказались разделенными на два разряда: наречия грамматические (весело, по-приятельски и т. п.) и неграмматические (вчера, здесь, долой и т. п.). Деепричастия и инфинитивы по фортунатовской классификации находились в одном классе с наречиями. Очевидно, что, следуя этой логике, наречиями можно считать и все несклоняемые существительные, такие, как *пальто, кенгуру, бра...*

В.В. Виноградов при выделении частей речи стремился учитывать всю совокупность лингвистических данных – морфологических, синтаксических и семантических. Объединяя морфологический и синтаксический взгляды на наречие, он дал этой части речи следующее определение: «Наречие – это грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу, к категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них (например, к тем же наречиям) и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельственного отношения. Наречия морфологически соотносительны с именами существительными, прилагательными, глаголами, с местоимениями и именами числительными» [7, с. 340]. Видим, что совмещаются указанные выше подходы.

Разработанная Виноградовым классификационная система лежит в основе Академических грамматик, получила распространение в школьной и вузовской практике грамматического анализа. Ее несомненным достоинством оказывается идея совмещения двух критериев определения – морфологического и синтаксического – в противовес предшествующим монокритериальным концепциям.

Современная лингвистика полагает наиболее уместным применение при выделении части речи комплексного метода, когда в равной степени оказываются учитываемы и синтаксический, и лексико-морфологический аспекты.

В этом плане весьма актуальными оказываются исследования по словообразованию и функционированию наречий, к каковым относится и данная работа.

Итак, с точки зрения их лексических значений все наречия, по определению академической грамматики, делятся на «два лексико-грамматических ряда: наречия качественные и обстоятельственные» [8, с. 322]. Имеющаяся литература по предмету демонстрирует, что в рамках этой классификации более подробно описаны наречия обстоятельственные, – сравните выделяемые, например, В.В. Виноградовым [7, с. 341 и далее] основные семантические группы обстоятельственных наречий, таких, как «наречия места, времени, причины, цели» и так далее.

Развитие противопоставления качественных и обстоятельственных наречий далее неожиданно разворачивается в 1) описание в основном лексико-семантических особенностей для качественных (что неизбежно в силу необходимости объяснить способность ряда единиц образовывать степень сравнения) и 2) описание в основном синтаксических функций и лексико-грамматической валентности – для обстоятельственных. Последнее также понятно, поскольку именно сфера лексико-грамматическая наиболее выразительна в рамках указанного противопоставления.

Для нас, однако, сегодня окажется важной сама грамматическая общность качественных и относительных наречий как единиц, входящих в «лексико-грамматический класс неизменяемых слов, обозначающих признак действия <...> и выступающих в синтаксической функции обстоятельства...» [8, с. 322], так как мы обсуждаем лексико-семантические свойства обстоятельственных наречий.

Связанность наречий (напомним латинское название этой части речи – *adverbium*, греческое – *επιρρημα*, отражающие ассоциированность наречия прежде всего с глагольным действием) с характеристикой действия предполагает наличие в системе наречий ряда бинарных оппозиций, когда антонимически противопоставленные наречные единицы определяют характер протекания действия (качественные) либо условия его выполнения (обстоятельственные).

Таковы, например, антонимические отношения между наречиями *слева – справа, вверх – вниз, сначала (поначалу, сперва, прежде) – потом (позже, позднее, затем, после)* и так далее.

Разумеется, большинство подобных оппозиций представляют собой не контекстные, а системно противопоставленные антонимические пары, однако возможно возникновение и контекстных наречных антонимов, что обусловлено, во-первых, активностью наречия в современной словообразовательной системе, а во-вторых – функцией фразового модификатора, присущей обстоятельственным наречиям. Действительно, обстоятельственные наречия в контексте способны демонстрировать «синкретическую» синтаксическую отнесенность – к составу сказуемого и составу подлежащего одновременно, определяя в таком случае предложение в целом. Отсюда и более широкие возможности развития лексико-семантических отношений.

О словообразовательной потенции современных наречий мы писали, в частности вскрывая омонимические отношения локативного наречия, локативного непервообразного предлога и предложно-падежного сочетания с локативной семантикой (см. [9, с. 46–47]). Целью же данной работы является вскрытие со-

временных системных и контекстных лексико-семантических отношений между наречиями, характеризующими действие, и связи лексико-семантической оппозиции со словообразовательной и структурной природой противопоставленных единиц, а также с синтаксической их функцией. Поставленная цель обусловила актуальность работы, понятную не только специалисту-грамматисту и дериватологу, но и преподавателю-прикладнику, поскольку структура наречной единицы неизбежно сказывается на ее правописании.

Рассматривая данные антонимические единицы, обнаруживаем ряд закономерностей словообразовательного плана, последовательно представленных во всех антонимических парах как для качественных, так и для обстоятельственных наречий.

Так, можно говорить об антонимии производящих единиц (основной антонимии) для «однотипных» словообразовательно наречий: конфиксальные типы с...а (*слева – справа*), в...о (*влево – вправо*), за...о (*засветло – затемно*), по...ему (*по-хорошему – по-плохому*); суффиксальные типы, например, наречия на -о (*умно – глупо*); наконец, типы семантического словообразования (*сверху – снизу, вверх – вниз, взад – вперед, наперед – назад, вперед – назад, вблизи – вдали*) – для академической грамматики «застывшие предложно-падежные формы, например, старославянское *съпроста* “непременно” < съ + родительный падеж прость; издавна, вдоволь» [10, с. 244].

Если для раннего периода истории русского языка образование подобных слов от предложно-падежных сочетаний за счет обособления формы и выхода ее из парадигматических систем имени полагается безусловным (равно как и от беспредложных именных форм – ср. *рысью, пешком, зимой*) и именно так описывается всеми источниками, то и на современном этапе развития русского языка подобные отношения имеют характер типовой, системно организованной и требуют системного же описания. В связи с этим вводится термин адвербиализация, или формы интерпретируются как семантические дериваты. Поясним употребление последнего уточняющего оборота.

Адвербиализацию традиционно понимают как переход какой-то части речи в разряд наречий. Наречие действительно в ряде случаев образуется на базе какой-то падежной формы имени существительного. Но наречие это до определённого времени существует параллельно с формой существительного, не замещая её. Иногда же параллелизм новообразованного наречия и исходной именной предложно-падежной формы сохраняется в языке, а определение статуса единицы оказывается возможно только в контексте (ср. употребление наречия *навстречу*, сочетания *на встречу* и производного предлога *навстречу кому-либо, чему-либо*). Другими словами, в подобных случаях уместнее говорить о рождении нового слова семантическим способом, а не о «переходе» существительного в наречие, хотя, разумеется, оба описания подразумевают одно и то же явление: «семантическое словообразование, как известно, осуществляется путем включения слова в иной лексический разряд, в результате чего образуются омонимы, то есть равнозвучные производные лексем, которые, в категориальном отношении, подобны лексемам, образованным с помощью морфем» [11, с. 121].

Оговоримся, впрочем, что в отношении образований типа *влево*, *докрасна*, *издалека* и подобных в ряде современных нам работ бытует ложное представление о их соотносительности с именем прилагательным. Однако эта ошибка интерпретации рассматривается и убедительно критикуется в работе В.М. Маркова «К истории отсубстантивных наречий» [12], посему полагаем, нет необходимости доказывать здесь принадлежность данных единиц к отсубстантивным дееприводам.

Приведенные примеры показывают, что антонимическое отношение в парах наречий задается антонимическим противопоставлением производящих основ (слов), а словообразовательная структура обсуждаемых единиц абсолютно идентична. Парой, на первый взгляд нарушающей эту картину, оказывается *вперед – назад*, содержащая и «предложное» (генетически) различие. Однако есть основания включить и эти формы в нашу классификацию – ср. параллельные единицы *взад-вперед* (например, *ходить взад-вперед*) и *наперед* (*знать наперед*), показывающие, что включение в антонимическую пару наречий, образованных от сочетаний с разными локативными предлогами, допустимо в пределах общей тенденции, тем более что варьирование исходного предлога *в/на* происходит в пределах общего падежного значения сочетания (в обсуждаемом случае - винительный падеж).

Схема антонимического отношения, отражающегося в указанных единицах, может быть выражена формулой:

$$(X^1+B^+) > < (X^2+B^-) \text{ или } (X^0+B^+) > < (X^0+B^-),$$

где X – словообразовательное средство нейтрального с точки зрения антонимии характера (X^1 , X^2 и так далее) либо идентичное (X^0); а B – производящая основа, соответственно маркированная как «положительный» (B^+) либо «отрицательный» (B^-) компонент антонимии. В случаях семантического словообразования наречий на базе предложно-падежных сочетаний представление « B » сужается до производной основы, поскольку исходное падежное значение единицы эксплицируется и в предлоге, и в бывшей флексии. Если же антонимические или условно антонимические пары наречий формируются на основе разных падежей, это внешнее различие «флексий» потребует комментария, так как данный элемент нового образования не может быть однозначно отнесен ни к словообразовательному средству (будучи лишь частью последнего), ни к производящей основе (будучи на момент акта словообразования словоизменительным формантом).

Соответственно, при деэтимологизации антонимических производящих слов либо при совмещении в составе антонимической пары наречий не противопоставленных лексически производящих основ оппозитивное отношение задается словообразовательными средствами, условной антонимией словообразовательных моделей, в различной степени поддерживаемой (поддерживавшейся) лексико-грамматическими отношениями в разные периоды истории языка.

Схема такого антонимического отношения примет вид:

$$(X^+ + B^0) > < (X^- + B^0),$$

где маркированными как «положительный/отрицательный» окажутся словообразовательные средства (X), тогда как производящие основы окажутся идентичными (B), либо не противопоставленными (B^0), либо их противопоставление окажется ослабленным (B^1 , B^2 и так далее). Основанием для ослабления

антонимического противопоставления производящих основ может быть а) полная либо частичная деэтимологизация их обеих или одной из них; б) наличие не привативной, а градуальной оппозиции (квазиантонимия); в) относительно позднее возникновение или контекстно (а также стилистически, жанрово и так далее) обусловленный характер возникшей оппозиции.

Таковы условные антонимические оппозиции типа *в розницу – оптом, в рассрочку* (в кредит, частями) – *сразу* (единовременно, целиком, полностью), *наполовину* (отчасти, частично) – *целиком* (полностью) и так далее. По приведенным примерам видно, что оппозитивное отношение поддерживается семантически (ср.: *в кредит* против *единовременно*) и словообразовательно – противопоставлением, например, образования от предложно-падежного сочетания образованию от беспредложной падежной формы или от прилагательного посредством «наречного» суффикса.

Разумеется, в пределах условной антонимии словообразовательных моделей можно отметить единицы, противопоставленные и бывшими предложениями, и частными падежными значениями исходного имени (в пределах не одного падежа):

$$(X^+ + B^+) > (X^- + B^-),$$

то есть пары наподобие *изнутри – внутрь (вовнутрь), наружу – снаружи, сверху – наверх, издали – вдаль*, как поддерживаемые общностью производных основ, так и лишенные этой поддержки. В формуле видно намеренное нарушение ее логики, отразившееся в показателе маркированности элемента «В», хотя в обоих приведенных примерах речь идет об одной и той же производной основе. Показатель маркированности, таким образом, служит для отражения различия между исходными падежными формами производящего имени, что описывалось выше.

Очевидно, что совмещение в антонимическом отношении наречий, образованных от разных падежных форм (ср. исходные родительный и винительный падежи в примере *изнутри – внутрь*), обусловлено логической оппозицией дирекционалов, обслуживающихся данными падежами. Таким образом, за лексически противопоставленными единицами обнаруживает себя синтаксическое – и логическое – противопоставление. Возможно, существование подобных оппозиций явилось одной из причин, по которым некоторые ученые так упорно полагали наречие феноменом синтаксического порядка. Исследование этого типа отношений требует особого рассмотрения.

Отдельный вопрос представляет «адвербиализация» падежных форм на уровне синонимического сближения с наречиями или с другими падежными формами (на уровне синтаксической функции) – ср. наличие рядом с а) именными формами творительного *управлял трамваем, поездом* б) наречий (добираться) *трамваем, поездом*, параллельных в) формам предложного падежа (добираться) *на трамвае, на поезде*. Решение вопроса о частеречном статусе и словообразовании единиц типа *трамваем* оказывается процессом, связанным со сказанным нами выше, поскольку до сих пор остается не выясненным до конца вопрос о семантической ёмкости творительного падежа и, соответственно, описание образованных от него семантических дериватов обретает условный характер. Включение единиц *трамваем, поездом* (примеры группы б) в градуальный ряд (квазиантонимическое отношение) с наречием *пешком*, просторечными

наречиями и наречными выражениями¹ *пёхом, пешкодралом, на своих двоих, своим ходом* несомненно позволяет классифицировать их как наречия, а показанная выше (*в рассрочку/в кредит/частями – сразу/единовременно/целиком/полностью* и так далее) способность почти каждого наречия в оппозиции включаться в ряд синонимических единиц еще более расширяет их (наречий) спектр.

Отношение омонимически соотносительных наречий и именных форм уже стало предметом ряда работ, и мы не будем на этом явлении здесь останавливаться подробно (см., в частности, и нашу статью [13]).

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что наличие несоотносительных наречий, способных задавать аппозитивное отношение при характеристике глагольного действия, будет провоцировать «адвербиализацию» именных форм за счет их включения в пары типа *домой – на улицу*. При этом наречия, структурно восходящие к застывшим беспредложным именным формам, будут охотнее вступать в отношения антонимической либо градуальной противопоставленности с предложно-падежными сочетаниями, а наречия, проявляющие в своей структуре бывшие предложно-падежные сочетания, чаще будут в той или иной степени противопоставляться беспредложным падежным формам. Соответственно, группа наречий, характеризующих глагольное действие, уже активно пополняется за счет семантического словообразования по описанным моделям. Эта тенденция представляется естественной в свете представления о смене значимости части речи для понимания фазы развития системы в целом, ведь, по мысли В.В. Колесова, «центром внимания в древнерусском языке является существительное, в средние века – глагол, сейчас самое важное слово в контексте – прилагательное» – и, добавим мы, наречие, в отношении к глаголу выполняющее ту же определительную функцию, что прилагательное – в отношении имени существительного или местоимения. Таким образом, классификация наречий в современном русском языке помимо морфологического и синтаксического критериев обретает дополнительно лексико-семантический критерий: определение единицы как наречия может производиться посредством установления для нее синонимических, антонимических и градуальных отношений с «заведомыми» наречиями при сходстве словообразовательного механизма.

Кроме того, нам кажется, что наречия, образованные семантическим способом от предложно-падежных сочетаний как «недостающий» элемент антонимической пары или градуального ряда для наречия от беспредложной формы, будут последовательно сохранять раздельное написание бывшего предлога. Наречия от таких же сочетаний с предлогом, противопоставленные антонимически также наречиям от предложных сочетаний, рано потребуют слитного написания. Этот «прикладной» момент, разумеется, требует более тщательной разработки и привлечения более широкого круга примеров, посему здесь мы хотели бы его озвучить только в качестве рабочей гипотезы.

Наконец, учет антонимической или градуальной противопоставленности наречий, образованных от предложных сочетаний, наречиям, мотивированным

¹ Надо сказать, что сам термин «наречное выражение» достаточно плох и порожден рефлексией на формальное различие слитных/раздельных написаний.

беспредложными формами, может косвенным образом свидетельствовать о наречном статусе единиц типа *откуда*, *оттуда*, *там* и подобных, зачастую механически относимых к местоимениям. Существование оппозиций типа *туда* – *оттуда* безусловно определяет вступающие в противопоставление единицы как наречия и четко противопоставляет их местоимениям.

Summary

D.R. Koposov. Adverb. Phenomenon Classification Dynamics.

The article describes the history of interpretations of the adverb as an element of Russian language system. Lexical-semantic classification principle is offered as a basis for adverb determination. Productive adverbial word-building models and lexical-semantic relations appearing between these adverbs are described.

Key words: adverb, word-building, antonymy, homonymy.

Литература

1. *Аксаков К.С.* Полное собрание сочинений: в 6 т. – М., 1880. – Т. II. «Сочинения филологические», Ч. I. – 660 с.
2. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
3. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике: в 4 т. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1. – 536 с.
4. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1938. – 451 с.
5. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз (Ленингр. отд-ние), 1941. – 620 с.
6. *Фортуатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение // Избранные труды: в 5 т. – М.: Учпедгиз, 1956. – Т. 1. – С. 23–191.
7. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Учпедгиз, 1947. – 390 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1990. – 890 с.
9. *Копосов Д.Р.* Проблемы русской орфографии на оси «Словообразование – Грамматика» // Русское слово в мировой культуре. – СПб., 2003. – С. 46–51.
10. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – 783 с.
11. *Марков В.М.* О семантическом способе словообразования в русском языке // Избранные работы по русскому языку. – Казань: ДАС, 2001. – С. 117–135.
12. *Марков В.М.* К истории отсубстантивных наречий // Избранные работы по русскому языку. – Казань: ДАС, 2001. – С. 145–149.
13. *Копосов Д.Р.* К вопросу о частеречном статусе форм типа «замужем» // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 1, Ч. 2. – С. 43–48.

Поступила в редакцию
11.09.08

Копосов Даниил Робертович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.
E-mail: dandocs@mail.ru